

оглавление

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие к пересмотренному и расширенному изданию	11
Введение	14
1 Тридцать три несчастья	19
2 Дети ведут себя хорошо, если могут	29
3 Планы А, Б и В	76
4 Давайте начнем!	103
5 Ухабы на дороге	147
6 Вишенка на торте	185
7 Когда мысли сходятся	220
8 Школа мысли	272
9 Жизнь на краю	326
Приложения	334
Источники	341
Цитируемые книги и другая рекомендуемая литература	346
Благодарности	348
Об авторе	349

Многие из нас тепло вспоминают учителей, которые верили в нас и помогли нам максимально раскрыть свой потенциал. Посвящаю эту книгу Маршаллу Стернсу, моему учителю в шестом классе начальной школы Северного Майами в 1968 году

Надеюсь, однажды мы поймем, какую страшную цену платим за то, что пренебрегаем теми членами общества, которым больше всех нужна наша помощь.

*Судья Сандра Гамильтон,
областной суд провинции Альберта, Канада*

Самый прекрасный час —
Тот, что наступает между
Краем ночи и зарей,
Час, когда уходит тьма...

*Кейт Вулф (автор текста),
песня из фильма «Через великий перевал»¹*

¹ «Через великий перевал» — американский вестерн 1976 года. Его главные герои — дети, преодолевающие трудные испытания — прим. пер.

предисловие к русскому изданию

Если не мы, то кто?

Перед нами новая книга известного американского детского клинического психолога и педагога Росса Грина. Эта книга выходит с парадоксальным названием — «Затерянные в школе». Давайте задумаемся в это название, обратимся к собственным ассоциациям, которые оно вызывает. Наше время знает немало книг, в которых идея затерянности, заброшенности, беспредельного одиночества волнует современную цивилизацию. Новая ли это тема? Она не новая для цивилизации. Но само название для понимания мира детства является в высшей степени парадоксальным. Когда мы встречаемся с такими книгами, как «Затерянные в океане», написанной почти 150 лет назад американским писателем Майн Ридом, то вспоминаем о тяжелейших путешествиях людей, которые смастерили плот и пытаются спасти себя и свою жизнь в огромном океане, не зная, выплывут они или нет. Известен сериал «Затерянные во льдах» — также о тех, кто заброшен, вокруг бескрайняя белая пустыня, вокруг никого, вокруг ни души, и надо найти свой путь, и есть лишь надежда и вера в то, что можно выбраться, выйти из снежной пустыни. Эта надежда позволяет героям фильма преодолеть самые тяжелые ситуации.

А здесь затерянные — где? Не в океане. Не в ледяной пустыне. Затерянные среди других людей, в мире, который по самому своему определению должен быть миром возвращения человека и личности. «Затерянные в школе» — парадоксальное название этой книги предельно точно. Нет более тяжелой формы одино-

чества, чем одиночество в толпе. Когда мы думаем, что наши дети, попав в мир школы, в мир других детей, учителей, вместе с родителями чувствуют себя так же, как те, кого тяжелая судьба забросила либо в океан, либо в ледяную пустыню — не странно ли это? Я считаю, что это мета-поэтическое название Р. Грина невероятно точно потому, что одна из самых отчаянных форм одиночества — это одиночество непонимания среди других людей. Одинокие в океане, одинокие в ледяной пустыне — есть известные современные книги, которые говорят об одиночестве в сети — люди становятся одинокими и заброшенными в социальных сетях, несмотря на то что это — сети коммуникации. Поэтому название книги точно отражает те экзистенциальные ситуации, с которыми сталкиваются наши родители, наши учителя и, прежде всего, наши с вами собственные дети.

Мы привыкли к словам: «трудный ребенок», «особенный ребенок». А бывают ли не трудные, не особенные, стандартные дети? Не трудных, не особенных, стандартных детей, как и не трудных, не особенных, стандартных людей фактически не бывает. Миф о «среднем» ребенке, которого можно подогнать под те или иные лекала — это только миф. И, если это удастся сделать, он утрачивает свое своеобразие и свою индивидуальность. Неслучайно Росс Грин в самых первых строках книги говорит, что колоссальная трагедия детей — это трагедия потери потенциала личности, человеческого потенциала. Сделать личностный потенциал человека более мощным — а именно программе развития личностного потенциала посвящены многие усилия фонда «Вклад в будущее» — вот четкая задача книги Р. Грина.

Предисловие к книге он завершает фразой одного мудреца: «Если не сейчас, то когда?». Я хотел бы восстановить полностью мысль этого мудреца, которого звали Гиллель. На рубеже нашей эры он задает следующие четыре экзистенциальных вопроса:

Если не я для себя, то кто для меня?

Но если я только для себя, то зачем я?

Если не сейчас, то когда?

Если не я, то кто?

Эти четыре вопроса мудреца звучат как нельзя более современно.

Современный ребенок, как об этом уже не раз писал замечательный клинический детский психолог Росс Грин, это взрывной или просто трудный ребенок. Он «взрывается», когда не помещается в лекала прокрустовы ложа, стандартных унифицированных программ. Он отвечает протестным поведением, в котором некоторые спешат увидеть диагноз: «трудный ребенок», «у него серьезныенейшие нейропсихологические проблемы», «нейробиологические проблемы», а иногда мелькает подозрение на «большое количество задержек психического развития». Как часто вместо того, чтобы понять проблемы ребенка и вместе с ним найти путь к их решению, мы пытаемся поставить диагноз! Мастерство Р. Грина и его программы совместного с ребенком взращивания личности и решения проблем и заключается в том, что эта книга предостерегает нас от стратегии быстрой, скороспелой постановки диагнозов, а тем самым — стигматизации, клеймения детей. Она про то, как каждый раз, понимая ребенка, вместе с ним находить путь к развитию его человеческого потенциала. Для этого надо понять, какие нерешенные проблемы — очень точная конструкция Росса Грина — необходимо вместе решить, чтобы именно здесь, здесь и теперь ребенок нашел путь к самому себе. Понять причины, почему он отвечает «взрывами» на несправедливость мира, в котором он заброшен.

Автор предостерегает от банальных «рецептов», которые говорят: «наши дети трудные, потому что они немотивированные, им уделяется недостаточно внимания». Все это правда, правда и еще раз правда! Они немотивированные. Мы часто к ним равнодушны. Но сказать это — очень мало. Это верно, что все это часто бывает так. Но как найти — вместе с ребенком, в партнерстве с ним — нерешенные проблемы, которые касаются уникального арсенала, инструмента, которым надо вооружить ребенка, чтобы он вместе с нами решил свои собственные проблемы.

Что такое личностный потенциал? Замечательный психолог Дмитрий Леонтьев лаконично говорит, что личностный потенциал — это уникальная, универсальная способность управления своими собственными способностями. По большому счету, Р. Грин в своей книге предлагает способ, с помощью которого человек сможет овладеть своими собственными способностями. Я говорю

не только о ребенке, а вообще о человеке. Все мы с вами — взрывные люди. Взрывные дети, взрывные взрослые, взрывные учителя. Мы только не решаемся себе в этом признаться. Хочу еще раз подчеркнуть старую истину: чтобы понять другого, надо взглянуть на мир его глазами. Это и делает автор книги. Надо в каком-то смысле слова стать тем, чем мы всегда остаемся, сколько бы нам ни было лет — 10, 20, 40, 50, 70 (на этом я пока остановлюсь). Но мы всегда являемся детьми, хотя порой не отдаем себе в этом отчета и стесняемся в этом признаться. Если вы найдете силы признаться в этом, то вы поймете, что книга замечательного детского клинического психолога — для всех, а не только для детей. Она помогает всем четко осознать, что преодоление нерешенных когнитивных и поведенческих проблем — это путь к развитию мощи каждого человека, в том числе, мощи и силы наших детей, которые, и правда, часто недолюблены, не доцелованы, часто заброшены среди мира школы. Вот об этом книга, которая перед вами. Я очень надеюсь, что она поможет прежде всего вам понять, почему вы сами всегда были и остаетесь взрывным человеком.

Взрывайтесь! Читайте эту книгу.

*А.Г. Асмолов,
экзистенциальный антрополог,
заведующий кафедрой психологии личности МГУ
им. М.В. Ломоносова,
академик Российской академии образования*

предисловие к пересмотренному и расширенному изданию

Перед вами пересмотренное и расширенное издание «Затерянных в школе». Когда эта книга впервые вышла в свет, я слышал от бесчисленного множества родителей и учителей, что она помогла им взглянуть на школьные трудности «проблемных» учеников более пристальным, сострадательным, конструктивным взглядом. Радостно знать, что многие из этих учеников теперь получают настоящую помощь. Из их отношений со взрослыми устранен элемент противостояния; упреки и наказания сменились сотрудничеством, запоздалые реакции — действиями на упреждение, вражда — укреплением отношений.

Подход, описанный в этой книге, — теперь он получил название СПР (Совместные и проактивные решения)¹ — продол-

¹ Метод доктора Р. Грина ранее назывался «Совместное решение проблем» (Collaborative problem Solving, CPS) и под таким названием был описан в ранее изданных на русском языке книгах, в частности «Взрывной ребенок» (М., Теревинф, 2008). В 2013 г. доктор Р. Грин изменил название модели на Collaborative & Proactive Solutions (Совместные и проактивные решения). Слово «проактивный» было впервые введено в психологию Виктором Франклом в его книге «Человек в поисках смысла» для обозначения личности, принимающей ответственность за себя и свою жизнь. В контексте метода Росса Грина проактивный означает и основанный на собственной инициативе, и упреждающий, т. е. основанный на предвидении чего-либо. Поэтому мы в переводе решили не ограничиваться вторым значением, а использовать термин «проактивный», который в последнее время стал широко применяться в русской психологической литературе. — *прим. ред.*

жает развиваться, и в этом новом издании учтены все поправки и дополнения к нему, сделанные с 2009 года. Вот несколько важных изменений. Ключевой инструмент оценки в рамках СПР — *Профиль недостающих навыков и нерешенных проблем* (далее — *Профиль*) отредактирован, и в нынешнем издании намного больше материала, показывающего, как им пользоваться. За эти годы стало понятно, что для участия ученика в процессе решения проблемы очень важно правильно ее сформулировать. Если нерешенная проблема связана с поведением ученика, в ее формулировке бессмысленно опираться на теории взрослых о том, откуда берутся такие проблемы: такая формулировка неизбежно будет слишком расплывчатой, малопонятной и снизит готовность ученика сотрудничать. Так что в этом издании вы найдете новые советы о том, как формулировать нерешенные проблемы. Придерживайтесь этих советов, и вероятность, что ученик будет готов участвовать в процессе, значительно повысится.

Кроме того, стало понятно, что ответственным взрослым необходимо дополнительное руководство по процессу совместного решения проблем. Многие сталкиваются с трудностями, когда пытаются расспросить учеников об их заботах и переживаниях в связи с той или иной нерешенной проблемой. В этом новом издании вы найдете стратегии «глубокого бурения», которые помогут вам собрать информацию. Кроме того, здесь вы получите новые сведения о том, как взрослому говорить о своих заботах, как заниматься «мозговым штурмом» вместе с детьми и находить реалистичные решения, удовлетворяющие обе стороны.

Эти технические подробности достаточно важны. Но еще важнее общая картина. К сожалению, мы живем в эпоху, когда многие школьные учителя все больше чувствуют себя роботами, запрограммированными на раздачу и проверку заданий: беспрерывные контрольные, тесты и экзамены, от которых зависит очень многое, отнимают все их время и не дают разрешать проблемы и строить отношения с учениками. А с другой стороны, и множество трагических инцидентов со стрельбой в школах, и растущее число разочарованных, маргинализированных, сползающих в группу риска учеников подсказывает нам, что со школой что-то неладно... Очень неладно, и все оставления после уроков, отстранения от занятий, исключения, металлодетекторы и по-

лицейские в школе едва ли способны это исправить. Сегодня мы, как никогда ранее, нуждаемся в доверительных отношениях с детьми, в том, чтобы линии коммуникации были широко открыты, а проблемы, вызывающие неадекватное поведение, эффективно разрешались. Да, контрольные и экзамены очень важны, но прежде всего нам необходимо вернуться к той ключевой роли, которую всегда играли наставники в жизни учеников — роли *тех, кто помогает решать проблемы*. Надеюсь, эта книга внесет свой вклад в движение в этом направлении. Говоря словами прославленного мудреца: «Если не сейчас, то когда?»

Росс Грин

Портленд, штат Мэн

введение

Потеря человеческого потенциала — всегда трагедия. Слишком во многих школах детей с социальными, эмоциональными, поведенческими трудностями по-прежнему не понимают и обращаются с ними так, словно о причинах их поведения нам известно не больше, чем сто лет назад. Учителя и родители чувствуют себя так, словно бьются лбами о стену. Многие учителя испытывают огромный стресс и от поведения учеников в классе, и от общения с родителями — и не получают поддержки, необходимой для того, чтобы решить эти проблемы. Половина учителей уходит из профессии в первые же четыре года; одной из основных причин они называют трудных детей и их родителей [1]. А родители знают, что у ребенка проблемы в школе, понимают, что в этом виноват их, чувствуют, что ребенка не понимают и обращаются с ним неправильно — но ничего не могут изменить, а взаимодействие со школьными работниками лишь обескураживает их и вызывает разочарование.

Дисциплина в школах на нуле. Закручивание гаек, что неудивительно, не помогает. Еще много лет назад рабочая группа Американской психологической ассоциации пришла к выводу, что политика нулевой толерантности, призванная снизить уровень насилия и плохого поведения в школах, привела к обратному результату. Обзор исследований за десять лет показал: школы не стали более безопасными, не научились эффективно корректировать поведение учеников, напротив, количество проблем с поведением и уровень прогулов увеличились [2]. А государ-

ственные начальные и средние школы США продолжают раздавать наказания в каких-то баснословных объемах: 230 тысяч случаев телесного наказания¹, 110 тысяч исключений и три миллиона отстранений от занятий в год, вместе с бесчисленными десятками миллионов оставлений после уроков [3].

За этой статистикой, за каждой поркой, исключением, отстранением, оставлением после уроков стоят живые люди — ученики, учителя, родители, и каждый из них делает, что может, теми инструментами, какие ему доступны. Чтобы им помочь, нужны очень серьезные перемены. И мой опыт подсказывает, что эти перемены не будут такими сложными и болезненными, как многие опасаются. Жить по-старому больше нельзя: слишком многих детей мы безвозвратно теряем каждый год. Эта книга — о том, как жить по-новому.

Каждый год я имею дело с сотнями трудных детей. Эти ребята ничего так не хотели бы, как уметь выполнять социальные, эмоциональные, поведенческие требования, которые предъявляют к ним школа и жизнь, но они просто не тянут. Многие не тянут уже очень давно — и потеряли веру в то, что взрослые смогут им помочь.

Еще я каждый год работаю с сотнями учителей. Подавляющее большинство из них искренне заботится о детях, посвящает своим ученикам массу времени и сил. Но они с готовностью признают: тому, как понять трудного ребенка и как ему помочь, их практически не учили, и при работе с такими детьми и их родителями им требуется серьезная помощь. А еще они очень загружены повседневной рутинной работой и новыми инициативами, спускаемыми сверху, и на то, чтобы разбираться в проблемах трудных учеников, у них попросту не остается времени.

А еще я каждый год работаю с сотнями родителей трудных детей. По большей части они очень хотели бы в одной команде со школьными работниками эффективно и доброжелательно решать проблемы своих детей — только не понимают, возможно ли это.

¹ В школах США традиционно применялись и до нашего времени применяются телесные наказания (порка «веслом» или деревянной лопаткой). На 2019 год эта практика была разрешена в государственных школах 19 штатов и практиковалась в 11 штатах. — *прим. пер.*

Пятнадцать лет назад я опубликовал книгу под названием «Взрывной ребенок», адресованную в первую очередь родителям. С тех пор подход, который я описал во «Взрывном ребенке», — теперь он называется «Совместные и проактивные решения», СПР — применяется не только в тысячах домов, но и в десятках психиатрических больниц, интернатов, мест заключения для несовершеннолетних, а также в учреждениях общего и специального среднего образования. Мне скоро стало ясно, насколько остро необходимо руководство по применению СПР в школе.

Теперь вы знаете, почему и для кого я написал эту книгу. Поговорим немного о том, как она написана.

Помогать детям с социальными, эмоциональными, поведенческими трудностями — не механическая задача. Ни дети, ни взрослые — не роботы, способные жить по инструкции. Работа с людьми всегда сложна, неудобна, непредсказуема и требует командного духа, терпения и упорства — особенно работа, подвергающаяся сомнению расхожую мудрость и привычные практики. В этой книге вы найдете множество материалов и примеров, которые помогут вам лучше понять трудного ребенка, эффективнее использовать метод СПР и сотрудничать с окружающими на пути к общей цели.

Но еще в этой книге вы найдете историю о трудных детях, их учителях, родителях, школьном руководстве... и об их совместных, неловких, непредсказуемых попытках что-то исправить. Эта история помогает достичь нескольких целей. Во-первых, она сразу переносит нас от отвлеченных идей к прагматической реальности. Во-вторых, показывает нам «вживую» сложности, стрессовые факторы, сомнения, препятствия и тревоги, связанные с каждым нашим тезисом. В-третьих, дает читателям примеры «реальных» реплик в той или иной ситуации. Очень часто люди говорят: «Подход СПР мне понятен, но хотелось бы узнать, как все это *выглядит и звучит!*» или: «Мне нужно понять, каким языком все это говорить». А еще спрашивают: «Неужели в самом деле по этой модели может работать вся школа?» Чтобы ответить на эти вопросы, я и снабдил книгу множеством диалогов и примеров из жизни.

Все персонажи книги основаны на образах учителей, родителей и детей, с которыми я работал; проблемы, с которыми они

сталкиваются, и пути их преодоления — все взято из жизни. У некоторых персонажей по несколько прототипов; у всех изменены имена и жизненные обстоятельства, чтобы защитить тайну их личности. Я мог бы представить своих персонажей в наилучшем свете, но тогда они утратили бы подлинность. Так что учитывайте: директриса школы в моей книге не воплощает собой *любого* директора — это просто директриса конкретной школы из этой истории. То же касается детей, родителей, учителей и других персонажей. Это не стереотипные фигуры, не «типичные представители» — просто персонажи, которых я выбрал, чтобы на их примере показать все сложности и подводные камни преобразования дисциплинарной культуры в классе и в школе.

Кроме того, я не указываю конкретных черт описываемой школы. Несомненно, она государственная, и большая часть событий происходит в шестом классе; но я намеренно воздерживался от указаний на этнический состав или социально-экономическое положение ее учителей и учеников. Такие признаки бывают важны в каких-то конкретных ситуациях, но в целом на использование модели СПР особого влияния не оказывают. Хотя в школах встречается немало девочек с проблемным поведением, для удобства изложения я обычно говорю о трудном ребенке в мужском роде. Книга посвящена детям с *социальными, эмоциональными и поведенческими проблемами*, но я использую термины «*дети с поведенческими проблемами*» и (хотя стараюсь не злоупотреблять оценочными эпитетами) «*трудные дети*», имея в виду все три проблемные области. Также здесь встречаются ссылки на труды других авторов; для удобства читателей все они собраны в отдельном разделе в конце книги.

Эта книга не об успеваемости. В области образования сейчас множество инициатив, помогающих ученикам лучше усваивать материал. Эта книга — о детях, которых все эти инициативы почему-то оставляют за бортом.

Эта книга не критикует и не стыдит работников образования. Как и самих трудных детей, и их родителей. Она — о необходимости серьезно изменить систему, не отвечающую потребностям ни учителей, ни трудных детей, ни их родителей, и о том, как ее изменить. Для этого требуются три фундаментальных сдвига:

1) научиться намного лучше понимать, какие факторы вызывают «трудное» поведение у детей; 2) создать проактивные (упреждающие), а не реактивные (аварийные) механизмы помощи этим детям; 3) создать протокол совместного решения проблем.

Разные люди почерпнут из этой книги разное. Для одних станет открытием, что трудное поведение связано с нехваткой когнитивных навыков. У других откроются глаза на то, что наказания малоэффективны, а зачастую и неэффективны вовсе. Третьим будут интереснее всего конкретные компоненты модели СПР и то, чем они отличаются (зачастую в лучшую сторону) от других методов разговора с детьми и заботы о детях. Наконец, четвертым — быть может, усталым, выгоревшим, циничным — эта книга откроет новый взгляд и новую надежду.

Как всегда, чтобы извлечь максимальную пользу из того, что вы собираетесь прочесть, вам потребуются открытый разум и смелое воображение.

I тридцать три несчастья

Было начало октября. Ученики в шестом классе миссис Лори Вудс сосредоточились на работе по обществоведению. Все, кроме одного — мальчика по имени Джоуи. У миссис Вудс уже бывали с ним стычки, особенно когда он отказывался работать вместе с классом. И сейчас ее раздражало, что он занят чем угодно, только не своим проектом. А когда он принялся отвлекать двух других ребят, миссис Вудс поняла, что пора вмешаться. Она подошла к столу Джоуи.

— Джоуи, что-то не так? — спросила она вполголоса. — Почему ты мешаешь другим?

Джоуи поднял глаза на учительницу.

— Я не знаю, что мне делать.

— Джоуи, вот задание, лежит у тебя на парте. Как ты можешь не знать, что делать?

Двое ребят, сидящих рядом, фыркнули.

— Не знаю, и всё!

Теперь на них смотрел почти весь класс.

— Не отвлекаемся, работаем! — приказала миссис Вудс и снова повернулась к Джоуи. — Джоуи, давай поговорим об этом у меня за столом, чтобы не отвлекать остальных, — она вышла на середину класса и пошла к своему столу, но Джоуи не трогался с места. Миссис Вудс обернулась.

— Джоуи, пожалуйста, подойди к моему столу.

— Еще чего! — пробормотал Джоуи вполголоса, однако достаточно громко, чтобы снова привлечь внимание одноклассников.

— Что ты сказал?

Лицо у Джоуи покраснело.

— Не пойду! — отрезал он.

Весь класс замер, ожидая, что ответит учительница.

— Джоуи, если ты сейчас же не подойдешь ко мне, то отправишься в кабинет директора.

— Никуда я не пойду.

— Джоуи! Сейчас же!

— Не буду!

Миссис Вудс подошла к девочке, сидящей возле входной двери.

— Тейлор, пожалуйста, сходи в учительскую и скажи миссис Уэстбрук, что у нас здесь проблема. Попроси ее немедленно прислать сюда мистера Миддлтона, — миссис Вудс надеялась, что угроза появления мистера Миддлтона, помощника директора, покончит с упрямством Джоуи.

Тейлор послушно встала и вышла. Миссис Вудс прикрыла за ней дверь и повернулась к остальным ученикам:

— А теперь работаем, и не заставляйте меня повторять это еще раз!

— Что стряслось? — спросил, появляясь в дверях, слегка запыхавшийся мистер Миддлтон. Помощником директора он проработал уже двенадцать лет (а до того шестнадцать лет преподавал естествознание), в школе был известен как веселый, добродушный человек, быть может не самый подходящий для того, чтобы поддерживать дисциплину среди учеников.

— Джоуи мешал работать классу. Я велела ему подойти к моему столу, но он отказался. Тогда велела идти к директору, но он и на это сказал, что никуда не пойдет. Вот он сидит, — и миссис Вудс указала на Джоуи.

Мистер Миддлтон окинул класс взглядом поверх очков.

— Что ж, посмотрим, что тут можно сделать.

Он подошел к Джоуи, склонился над его столом и заговорил мягко:

— Джоуи, я так понимаю, у нас здесь какая-то проблема. Может быть, пойдем в мой кабинет и там это обсудим?

Тут Джоуи взорвался. Он вскочил, головой ударив мистера Миддлтона в челюсть.

— Черта с два я пойду в ваш гребаный кабинет! — завопил он и бросился к дверям.

Прочие ученики ахнули. Мистер Миддлтон, выбитый из равновесия ударом в челюсть, попытался схватить Джоуи, но промахнулся. С воплем «Ненавижу!» Джоуи оттолкнул со своей дороги миссис Вудс. Пробегая мимо Тейлор, крикнул: «А тебя вообще убью!» Тейлор отшатнулась, а Джоуи выбежал из класса.

Он пролетел через главный холл и выбежал из здания. Мистер Миддлтон гнался за ним по пятам. Пробегая мимо учительской, он крикнул секретарше миссис Уэстбрук:

— Позовите миссис Гэлвин!

Миссис Уэстбрук поспешила в директорскую и сообщила миссис Гэлвин, директрисе школы, что Джоуи только что выбежал из здания, а мистер Миддлтон гонится за ним. Директриса выбежала из кабинета и тоже бросилась в погоню. Мистер Сайзмор, один из учителей физкультуры, услышав шум, выскочил из раздевалки и тоже устремился за Джоуи.

Мистер Миддлтон и мистер Сайзмор обнаружили Джоуи на школьной стоянке (он прятался за машиной), выволокли оттуда и притащили обратно в школу. Здесь двое мужчин усадили Джоуи на стул в кабинете миссис Гэлвин.

— Звоните его матери! — приказала секретарше, снова входя в свой кабинет, запыхавшаяся миссис Гэлвин.

Мистер Миддлтон и мистер Сайзмор все еще удерживали Джоуи за плечи. Миссис Гэлвин смерила его суровым взглядом.

— Если тебя отпустить, будешь сидеть спокойно?

Джоуи напрягся, пытаясь вырваться.

— Пусть уберут от меня руки!

— Уберут, когда ты успокоишься и пообещаешь мне сидеть смирно, пока не приедет твоя мать.

Джоуи покраснел, по щекам текли слезы. Он отчаянно вырывался из рук мужчин.

— Не трогайте меня! Отвалите! Пусть они меня отпустят!

— Отпустят, когда успокоишься, — все еще тяжело дыша, повторила миссис Гэлвин. — Мы не потерпим такого поведения в школе!

Но Джоуи продолжал сопротивляться.

— Тише, Джоуи! — попытался успокоить его мистер Миддлтон, хоть челюсть у него все еще ныла.

— Идите на хрен! — отрезал Джоуи, хотя, кажется, отбивался уже не так отчаянно.

— Джоуи, в школе мы так не разговариваем! — одернула его миссис Гэлвин.

— И вы идите на хрен! — рявкнул Джоуи, сердито глядя на нее. Его сопротивление стало еще немного слабее.

— Джоуи, просто расслабься, — посоветовал мистер Миддлтон. — Мне совсем не нравится так тебя держать.

— Тогда отпустите! — прошипел Джоуи. — Вы мне уже чуть руку не сломали!

— Мы не хотим делать тебе больно, — ответил мистер Миддлтон, — но не позволим тебе снова убежать и носиться по школе. Это опасно. Пожалуйста, успокойся, чтобы мы могли тебя отпустить.

Десять минут спустя приехала мисс Лоуэлл, мать Джоуи.

— Что случилось? — с тревогой спросила она, входя в кабинет.

— Они мне чуть руку не сломали! — и Джоуи сердито уставился на миссис Гэлвин.

Мисс Лоуэлл взглянула на руку Джоуи, затем на миссис Гэлвин, ожидая объяснений.

Миссис Гэлвин не боялась говорить начистоту: она гордилась тем, с какой твердостью правит школьным кораблем и в самые свирепые бури.

— Он угрожал убийством однокласснице, — сообщила она. — Такое спускать нельзя! Потом убежал из школы, и нам пришлось силой вести его обратно. От этого у него следы на руках.

— Джоуи, ты угрожал кого-то убить? — переспросила мисс Лоуэлл, стараясь не повышать голос.

— Ну я же не серьезно!

— А почему убежал из школы? — продолжала мисс Лоуэлл.

— Я не знал, что делать на обществоведении, — пробормотал Джоуи.

— Не знал... что? На чем? — непонимающе переспросила мисс Лоуэлл.

— По-видимому, он отказался работать в классе, — пояснил мистер Миддлтон. — Миссис Вудс попросила его подойти к ее

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru